

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ^[1]

В. А. Зах

При исследовании развития орнаментальных областей (общностей) в Западной Сибири М. Ф. Косарев отмечал, что накануне эпохи металла автохтонная (самусьская) область культур с отступающе-прочерченной орнаментацией посуды, преимущественно локализуется в юго-восточном Приобье, а гребенчатая культурная область, керамика которой во многом аналогична посуде предуральского гребенчатого неолита, — в основном в Восточном Зауралье [1974. С. 6]. Эти орнаментальные области в конце позднего неолита, по мнению ученого, были разделены общностью с гребенчато-ямочной орнаментацией керамики. Она была рассмотрена нами ранее [Зах, 2004]. Пик ее расцвета приходится на эпоху раннего металла — позднюю бронзу, когда гребенчато-ямочными орнаментами украшалась посуда от Ямала до Алтая и от Минусинской котловины до восточных склонов Урала. Кроме основных традиций, зародившихся с появлением керамики и существовавших практически до позднего средневековья, на территории Западной Сибири фиксируются и бытовавшие сравнительно недолго.

Пик развития традиции мы связываем прежде всего с наибольшим ареалом культур общности — этот принцип, сохранен и в данном случае при изучении других орнаментальных традиций (отступающе-прочерченной, гребенчатой, ямочно-гребенчатой, фигурно-штамповой и т. д.) (рис. 1).

Традиция отступающе-прочерченной орнаментации посуды

С появлением новых материалов по ранним периодам неолита, как в Западной Сибири и на сопредельных территориях актуальной стала проблема появления керамического производства за Уралом и вместе с этим распространения отступающе-прочерченной орнаментальной традиции.

Большинство исследователей считают, что керамическое производство в Западной Сибири возникло самостоятельно и наиболее древняя автохтонная посуда — с отступающе-накольчатой орнаментацией [Косарев, 1991; Молодин, 1985]. По В. Ф. Старкову, на ранних этапах восточно-уральской и среднеиртышской неолитических культур посуда украшалась отступающим орнаментом, что видимо, также предполагает ее автохтонность [Старков, 1980]. Близкую позицию занимает В. Т. Ковалева, по мнению которой, неолитическая культура лесного Зауралья сформировалась на основе местного мезолита, причем козловская продолжала развитие местных традиций, кошкинская же испытывала влияние, а возможно, и прямую инфильтрацию южного населения. «По-видимому, в обоих случаях уместно предположить влияние южного импульса на развитие керамического производства. Этим можно объяснить многие общие черты в орнаментации кошкинской и козловской групп» [Ковалева, 1989. С.]. Некоторые исследователи полагают, что керамическое производство в Западной Сибири, в частности в Зауралье, было заимствовано. Так, О. Н. Бадер отмечал, что «переход от мезолита к неолиту произошел у первобытных уральцев в результате развития на месте, но под влиянием родственных им южных соседей, от которых были заимствованы некоторые элементы культуры, умение делать глиняную посуду, конкретные формы посуды... Глиняная посуда древнейшего этапа (козловского.— В. З.) отличается вполне сложившимися техникой, формами и орнаментацией, что говорит против ее самостоятельного, местного возникновения» [1970. С. 159].

Л. Л. Косинская, указывая на общее сходство ранне-неолитической посуды Урала и Западной Сибири с керамическими комплексами некоторых культур центральной и северо-восточной части Европейской России, связывает его с одинаковыми процессами неолитизации лесных культур Евразии. Она считает, «что механизм взаимодействия Севера и Юга был сложен, а характер связей многообразен и включал не только миграции. Миграционную гипотезу сегодня можно принять лишь для боборыкинской археологической культуры... Исходный район — место формирования боборыкинской археологической культуры — лежит, скорее всего, в лесостепном Приобье, поскольку южнее, в степных районах, локализируются маханджарская и атбасарская культуры южного круга. В остальных случаях следует рассматривать продвижение керамики на север как результат культурной диффузии, т. е. как поэтапное заимствование готовой технологии все более северными группами населения УЗС КО — последнюю стадию процесса, начавшегося еще в период неолитической революции на Ближнем Востоке. Передающими звеньями этой культурной инновации из степей должны были служить культуры южной (лесостепной) части ее ареала» [Косинская, 2002]. По логике исследователя, заимствование должно было идти от степных маханджарской и атбасарской культур — культур южного круга. Однако боборыкинский керамический комплекс имеет больше сходства с материалами Прикаспийского и Среднеазиатского регионов, чем с посудой этих культур. Следовательно, более правомерно считать, что керамическое производство в Западной Сибири, в том числе в лесостепном и южно-таежном Тоболо-Ишимье, появляется в результате миграции групп населения носителей посуды с отступающе-прочерченной орнаментацией, скорее всего, из районов Приаралья и Прикаспия.

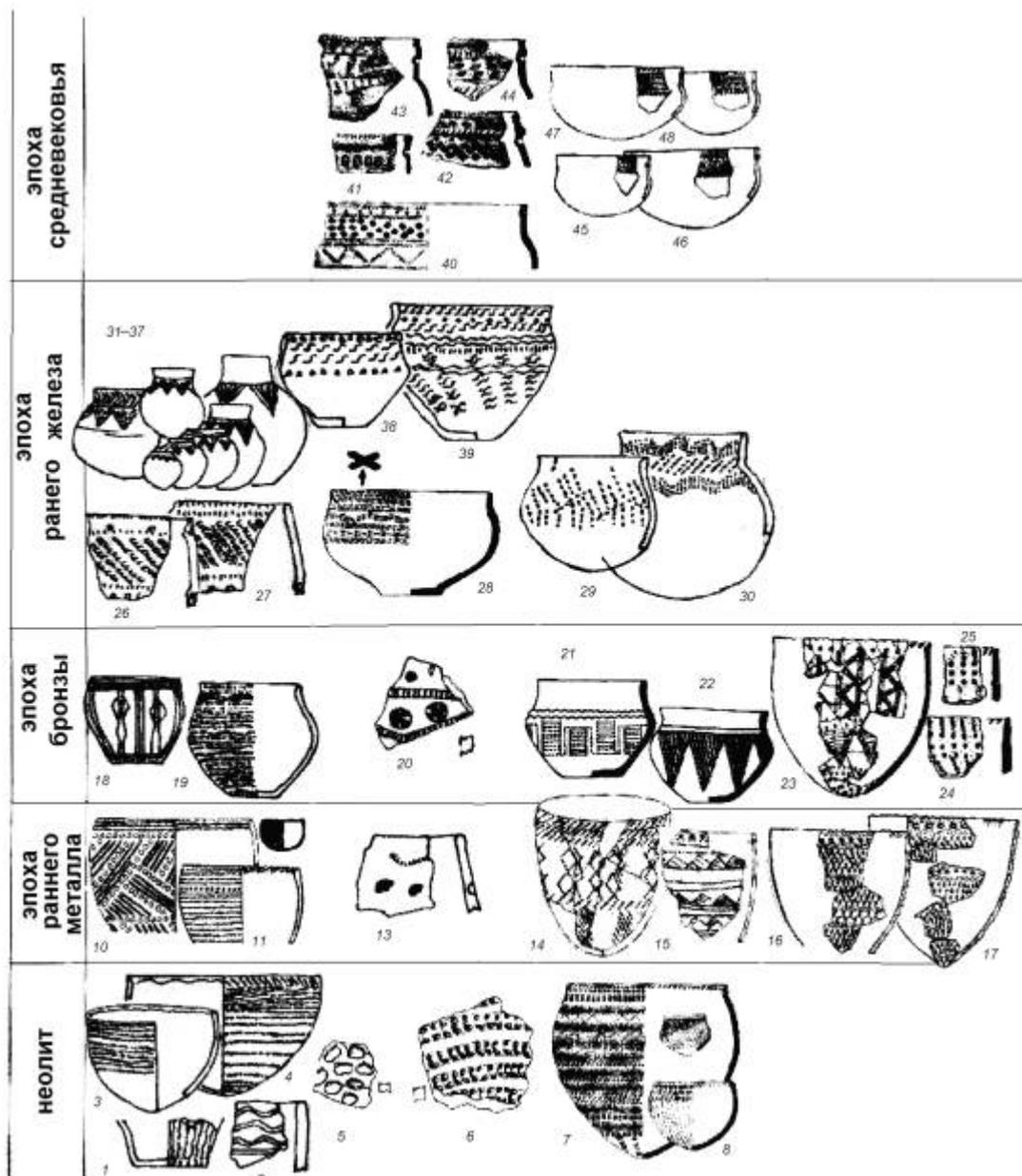

Рис. 1. Развитие отступающе-прочерченной, фигурно-штампованной, гребенчатой и ямочно-гребенчатой орнаментальных традиций в Западной Сибири: 1, 2, 4 — Ташково 3; 3 — Лисья Гора; 5, 6 — Иня 11; 7–9 — ЮАО 18; 10–12 — Самусь 1; 13 — Березовый остров; 14, 15 — Чепкуль 21; 16, 17 — Велижаны 1; 18, 19 — Самусь 4; 20 — Ордынское 12; 21, 22 — Ордынское 11; 23–25 — Мысаевка 1; 26 — Томский могильник; 27 — с. Мышайлы (Бараба); 28 — Ст.-Масляное поселение; 29–30 — Среднее Притоболье; 31–37 — Тютринский и Савиновский могильники; 38, 39 — могильник Каменный Мыс; 40 — Логиновское городище; 41–44 — городище Люликар; 45–48 — городище Чечкино 1

Таким образом, пик развития отступающе-прочерченной орнаментальной традиции в Западной Сибири приходится на ранний период неолита, когда она распространяется от Казахского мелкосопочника до низовой Оби и от Урала до междуречья Иртыша и Оби, несколько позднее комплексы с отступающе-прочерченными орнаментами отмечаются в Присалаирье и на Енисее. На раннем этапе отступающе-прочерченная орнаментация отмечается на боборыкинской и кошкинской посуде, позднее — восточнее, в изылинских и унюкских комплексах [Зах, 2003; Зяблин, 1973].

В последующий период неолита происходит постепенное сокращение доли отступающе-прочерченных узоров на — козловской, полуденской и кокуйской посуде почти гаполовину — и замена их гребенчатыми орнаментами. Аналогичные процессы наблюдаются в таежных районах Прииртышья, Приобья и севернее бассейна р. Оби, где исследованы комплексы так называемых северных культурных типов — сумпаньинского, быстринского, амнинского и прочих [Косинская, 1999, 2001; Чемякин, 2001].

Постепенно к концу неолита в Нижнем Притоболье, Приишимье, Прииртышье и Барабе отступающе-прочерченная орнаментальная традиция затухает. В Притоболье распространяются гребенчатая и ямочно-гребенчатая традиции (шапульская и андреевская культуры), а от Приишимья до Барабы — гребенчато-ямочная (екатерининская культура, на александровском этапе которой еще сохраняется орнамент, выполняемый отступающей палочкой, например в комплексе поселения Венгерова 3 [Молодин, 1977]). Восточнее, в районах Томского и Верхнего Приобья, Присалаирья, отступающе-прочерченная

орнаментальная традиция сохраняется практически в чистом виде до конца раннего металла (ирбинские комплексы) [Зах, 2003].

В доандроновский период в Притоболье, наряду с гребенчато-ямочной традицией, вновь появляется отступающе-прочерченная (ташковская культура). К более позднему в Нижнем Приишимье относятся комплексы с логиновской посудой, украшенной в отступающе-прочерченной технике [Генинг, Евдокимов, 1969]. Восточнее, в Прииртышье и Верхнем Приобье, отступающе-прочерченные узоры отличаются на посуде третьей и пятой группы могильника Ростовка и в материалах самусьской культуры (30,1 % керамики последней орнаментирован отступающей палочкой) [Матющенко, Синицина, 1988; Матющенко, 1973а; Молодин, Глушков, 1989].

С приходом на территорию Западной Сибири андроновского населения все автохтонные культуры (и их орнаментальные традиции) поглощаются культурой пришельцев. Только с распадом единого федоровского культурного массива возобновляются гребенчато-ямочные орнаменты и в меньшей степени — орнаменты, выполненные отступающей палочкой. Последние появляются с притоком в лесостепь таежного населения — носителей культур с крестово-печатной орнаментацией в переходное от бронзы к железу время в эпоху железа и средневековья [Труфанов, 1984; Матющенко, 1973б].

Таким образом, отступающе-прочерченная орнаментальная традиция, с появлением которой в Западной Сибири складывается керамическое производство, господствовала в раннем неолите, в последствии ее начинают вытеснять автохтонные гребенчатая и гребенчато-ямочная, а в конце неолитической эпохи они уже доминируют.

Гребенчатая орнаментальная традиция

В начале 2000-х гг. Л. Л. Косинская на территории Надымо-Пуровского междуречья на северных склонах Сибирских Увалов исследовала поселение Ет-то 1, содержащее керамику с гребенчатой орнаментацией. Аналогичная посуда с гребенчатым орнаментом встречена на городище Амня 1, поселениях Барсова Гора I/8а, Чертова Гора и других памятниках в пределах таежной зоны [Косинская, 2003; Глушков, 1998; Соболенкова, 2001]. Для двух жилищ поселения Ет-то 1 по углю получено шесть радиоуглеродных дат, две из которых: 6740 ± 65 л. н. (ЛЕ 6594) и 6880 ± 80 л. н. (ЛЕ 6596) — близки одной из дат для городища Амня 1 — 6900 ± 90 л. н. (ЛЕ 4973) и дате для камского гребенчатого неолита Пезмог 4 в бассейне р. Вычегды 6820 ± 70 л. н. (ГИН 11915) [Косинская, 2003; Карманов, 2003].

По результатам исследований Л. Л. Косинская пришла к выводу, что в «таежной зоне Приуралья и Западной Сибири гребенчатая орнаментальная традиция, видимо, возникла достаточно рано, имела широкое территориальное распространение и наложила отпечаток на облик керамики более позднего времени» [2003, с. 101].

Аналогичная ситуация, на наш взгляд, прослеживается и в лесном Тоболо-Ишимье. Здесь боборыкинские комплексы появляются и существуют раньше, чем северные культурные типы (сумпаньинский, быстринский, амнинский и пр. [Косинская, 2001; Чемякин, 2001]), сформировавшиеся в процессе продвижения на север носителей отступающе-прочерченной орнаментальной традиции и их взаимодействия с местным населением, не владеющим навыками керамического производства или только осваивающим его.

Гребенчатые узоры присутствуют на единичных сосудах уже в боборыкинских комплексах Тоболо-Ишимья. В основном это оттиски «шагающей» и многозубой гребенки. На поселении Ук 6 на 10 из 124 сосудов отмечается гребенчатый орнамент, типичный «для сосновоостровцев». На основании полученных материалов исследователи посчитали возможным синхронизировать боборыкинские и сосновоостровские комплексы в рассматриваемом регионе [Васильев и др., 1998]. Из 36 сосудов боборыкинско-кошкинского керамического комплекса поселения Боровлянка 2 на 19 отмечены оттиски гребенчатой «качалки» [Панфилов и др., 1991]. При анализе боборыкинских керамических комплексов можно заметить закономерность, которая выражается в увеличении количества сосудов с гребенчатыми орнаментами при сокращении доли неорнаментированных. Присутствие в отступающе-прочерченных керамических комплексах определенного количества посуды с гребенчатой орнаментацией позволяет предполагать существование уже на ранних этапах неолита самостоятельной орнаментальной традиции.

Расцвет гребенчатой орнаментации приходится на конец неолита — начало раннего металла и связан с формированием сосновоостровских и шапкульских комплексов. Затем намечается сокращение территории, на которой развивались культуры с гребенчатой орнаментацией посуды, в основном в это время широко распространяется гребенчато-ямочная орнаментальная традиция [Зах, 2004]. Ареал гребенчатой традиции сужается до полосы лесостепной и лесной территории вдоль восточного склона Урала, где сформировались аятские комплексы. После небольшого периода расширения территории с гребенчатой орнаментацией посуды в доандроновское и андроновское время, когда в Притоболье появляются поселения, близкие коптяковским, а на территории северной лесостепи — поселки скотоводов алакульской и федоровской культур, вновь происходит ее сокращение. Подобные процессы происходят примерно до середины II тыс. н. э., времени, когда практически всю лесостепную и лесную территорию Западной Сибири занимает население, изготавливавшее посуду с гребенчатой орнаментацией, — предки современных угорских народов.

Ямочно-гребенчатая

Достаточно долгое время материалы андреевской культуры рассматривались в совокупности с липчинскими, шапкульскими и другими комплексами. Только после исследования однослойных поселений с названной керамикой андреевские материалы стали рассматриваться как самостоятельные. Изучение новых памятников на территории Нижнего Притоболья позволяет говорить, что андреевская культура со своеобразной ямочно-гребенчатой орнаментацией посуды, не характерной для культур Тоболо-Ишимья и Западной Сибири, а близкой орнаментации керамики восточно-европейских культур, прошла в своем развитии два этапа — андреевский и мысаевский.

Центром ареала культуры на андреевском этапе можно считать систему Андреевских озер, где обнару-

жены остатки андреевских сооружений и культурный слой, распространенный на сотни метров по южному и северному берегу Малого и Большого Андреевских озер. Южная граница распространения андреевской посуды проходит приблизительно в районе г. Кургана, северная маркируется долиной Иртыша, западную можно провести по среднему течению р. Туры, восточную в правобережной части Тобола, где обнаружены поселения с ямочно-ребенчатой орнаментацией посуды и остатки жилищ наземной конструкции с присыпанными грунтом стенами и крышей [Зах, 1987; Панфилов, 1987; Зах и др., 1988; Косарев, Галкин, 1988].

Андреевская керамика представлена сосудами остро- и круглодонной форм с прямыми или наклонными внутрь стенками. В декоре преобладают ямки, нанесенные наклонно поставленным орнаментиром, по форме овальные, подтреугольные и каплевидные. Вдавления, как правило, глубокие, с негативами в виде жемчужин на внутренней стороне стенки сосуда. Узор плотно покрывает всю внешнюю поверхность сосуда, включая днище. В большинстве случаев ямки чередуются с оттисками ребенчатого штампа, нанесенными также на внутреннюю поверхность венчика и его срез. Посуда достаточно однотипна, аналогичные орнаментальные композиции отмечаются на керамике практически всех памятников андреевской культуры, в том числе расположенных на правобережье Тобола [Ковалева, 1995].

Изучением вопроса о происхождении андреевской культуры занимались многие исследователи. В. Т. Ковалева и Н. М. Чаиркина считают ее пришлой и связывают с неолитическими комплексами лесной полосы Восточной Европы [Ковалева, Чаиркина, 1991; Ковалева, 1995]. По мнению М. Ф. Косарева, сложение ямочно-ребенчатой орнаментальной традиции в Притоболье произошло на боборыкинской основе [1993]. Л. Н. Корякова и С. Ф. Кокшаров полагают, что ряд энеолитических культур, в том числе андреевская, сложились на «местной неолитической базе, но под определенным влиянием с севера и с юга» [1991. С. 37].

Несомненно, при сравнении керамики андреевской и восточно-европейских ямочно-ребенчатых культур (льяловской, балахнинской, рязанской и др.) находится много общих черт: техника нанесения ямочных узоров, их доминирование в орнаментации, форма ямок (подтреугольные, округло-конические и др.), ряды отпечатков ребенчатого штампа как разделительные пояса орнаментального поля [Полякова, 1973; Раушенбах, 1973; Цветкова, 1973]. Однако узость локализации андреевских комплексов — только в Нижнем Притоболье наводит на мысль о том, что их генетические корни следует искать в местной, возможно, еще донеолитической среде [Зах, Фомина, 1999]. Их формирование, на наш взгляд, было составной частью процесса становления местных позднеолитических культур. Сходство андреевских комплексов с восточно-европейскими ямочно-ребенчатыми объясняется, скорее всего общим вероятно финноязычным, субстратом.

По мнению А. Н. Панфилова, андреевцы широко расселяются и частично растворяются в массиве местных доандроновских культур. Элементы андреевской орнаментации прослеживаются в керамических комплексах кондинского и липчинского населения. Продолжает андреевскую линию развития ямочно-текстильная посуда мысаевского типа Притоболья и Приишимья [Панфилов, 1989]. Исследователь датирует комплекс поселения Мысаевка 1 началом II тыс. до н. э., начальным этапом раннего бронзового века.

Ареал памятников с ямочно-текстильной мысаевской керамикой частично совпадает с территорией распространения андреевских поселений в Нижнем Притоболье, но по сравнению с андреевским значительно смещается на северо- и юго-восточнее. Мысаевская посуда найдена на поселениях Юртобор 3, Карбанский Мост 8, 21, 28, в Нижнем Притоболье, в низовьях р. Вагай на поселении Мысаевка 1, где она составляет основной комплекс. В Приишимье аналогичная посуда обнаружена на памятниках Кокуй 2, Пахомовская Пристань 3 и Мергень 6 [Крижевская, 1969; 1977]. В близлежащих поселениях керамика встречена в составе керамических комплексов поселений Вишневка 1 (группа 3 по Н. С. Татаринцевой), 2, Бишкуль 1, 4, 5 [Зайберт, 1973; Зданович, 1973; Татаринцева, 1984]. Ареал памятников с ямочно-текстильной орнаментацией керамики мысаевского этапа андреевской культуры охватывает в основном южно-таежные и лесостепные территории Тоболо-Ишимья.

Фигурно-штамповая орнаментальная традиция

Фигурно-штамповая орнаментальная традиция не является определяющей и самостоятельной, как, например, ребенчатая или ребенчато-ямочная, появившиеся на ранних этапах неолита, хотя первые оттиски фигурного штампа были нанесены на посуду в неолитическое время. На отдельных фрагментах изылинской керамики неолита Присалаирья встречены оттиски в виде прямоугольника, круга, медвежьей лапы и другие, выполненными естественными и специально сделанными орнаментирами [Зах, 1990; 2003]. Близкие орнаменты обнаружены Ф. И. Мецем на керамике раннего металла из Нарымского Приобья [Мец, 1993].

Наиболее значительный всплеск фигурно-штамповой орнаментации наблюдается в конце эпохи бронзы, раннем железном веке и раннем средневековье. Штмп в виде креста в круге известен на посуде еловской культуры поселения Ордынское 12 [Зах, 1991]. В переходное время от бронзы к железу происходит продвижение носителей северных культурных традиций на юг от Урала до Енисея. В результате инокультурного проникновения в среду лесостепных культур повсеместно сформируются гибридные культуры с посудой, в орнаменте которой применялись фигурные штампы в виде креста и «змейки» [Борзунов, 1990; Васильев, 1982; Абрамова, Стефанов, 1985; Бобров, 1999]. В процессе ассимиляции пришлого населения к началу раннего железного века фигурные штампы в виде креста из орнаментации посуды постепенно исчезают.

Новый подъем в использовании фигурно-штампованных орнаментов, в основном в виде «уточки», отмечается в раннем железном веке, в кулайской и близкой ей культурах от Ямала до Алтая и от Иртыша до Енисея [Грязнов, 1956; Троицкая, 1979].

Позднее фигурные штампы появляются на посуде молчановского типа (VII–IX вв.), потчевашской культуры (VI–IX вв.), оронтурской керамике (VIII–X вв.) и в керамических комплексах релкинской культуры

(VI–VIII вв.) [Археология СССР..., 1987]. Во всех случаях штампы представляют собой оттиски прямоугольной, ромбической и круглой формы с бугорками, крестами или линиями внутри. Фигурные штампы, как правило, сочетаются с гребенчатым орнаментом. В позднем средневековье фигурные штампы на глиняную посуду наносятся редко, но ими украшаются берестяные изделия у обских угров вплоть до современности (см., например: [Кулемзин, Лукина, 1977. С. 179, табл. XVI, 28–30]).

Таким образом, в Западной Сибири отмечаются три основные орнаментальные традиции, представлявшие определенные этнокультурные общности. С населением, изготовлявшим посуду с гребенчатой орнаментацией, скорее всего, можно отождествлять угорские народы, с носителями гребенчато-ямочной традиции — самодийцев, а керамику с отступающе-прочерченными орнаментами мы связываем с праиндоевропейцами. Расцвет орнаментальных традиций, а значит, и этнокультурных общностей происходит в разные периоды. Для отступающе-прочерченной орнаментальной традиции это ранние этапы неолита, когда в Западную Сибирь проникают группы южного населения. Общность с гребенчато-ямочной орнаментацией посуды получила наивысшее развитие в эпоху бронзы, а гребенчатая — в эпоху средневековья, в так называемый героический период. Кроме основных орнаментальных традиций в Западной Сибири отмечаются и такие, которые были присущи одной культуре или существовали достаточно короткое время и отражают появление и развитие отдельных этнических групп.

Литература

- Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 109–130.
- Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 163–352.
- Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 157–171.
- Бобров В. В. Комплексы керамики с фигурно-штампованной орнаментацией на юго-востоке Западной Сибири // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 32–43.
- Борзунов В. А. Генезис и развитие гамаюнской культуры // СА. 1990. № 1. С. 15–33.
- Васильев Е. А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы: Хронология и культурная принадлежность памятников // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 3–14.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А., Глущенко С. А. Поселение Ук 6 в Тюменском Притоболье // Исторические исследования: Сб. науч. тр. Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. Вып. 2. С. 254–267.
- Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиговское городище (VI–VII вв. н.э.) // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 102–125.
- Глушков И. Г. Неолитическая керамика Конды (по материалам Чертова Гора и Канда) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 131–137.
- Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби. // МИА 1956. № 48. С. 44–98.
- Зайберт В. Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // КСИА. 1973. № 134. С. 106–113.
- Зах В. А., Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Исследования Тюменского университета // АО 1986 г. М., 1988. С. 231–234.
- Зах В. А. Фигурно-штампованная керамика стоянки Иня 11 // Древняя керамика Сибири: Типология, технология, семантика. Новосибирск: Наука, 1990. С. 5–9.
- Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.
- Зах В. А. Развитие общности культур с гребенчато-ямочной керамикой // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. Вып. 5. С. 4–12.
- Зах В. А., Фомина Е. Н. К вопросу о происхождении андреевской культуры // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 14–21.
- Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Североказахстанской области // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1973. Вып. 12. С. 21–43.
- Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 65–73.
- Карманов В. Н. Памятники камского гребенчатого неолита на Европейском северо-востоке // Международное XVI Уральское совещание: Материалы международной науч. конф. 6–10 окт. 2003 г., Пермь. Пермь, 2003. С. 49–50.
- Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.
- Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Препринт. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 62 с.
- Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М. Этнокультурные и этногенетические процессы в среднем Зауралье в конце каменного — начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования // ВАУ. Екатеринбург, 1991. С. 45–70.
- Корякова Л. Н., Кокшаров С. Ф. Археологические аспекты древней истории Зауралья и Западной Сибири: (Эпоха камня и бронзы) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1991. С. 36–39.
- Косарев М. Ф. К проблеме западно-сибирской культурной общности // СА. 1974. № 3. С. 3–13.
- Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991.
- Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири: Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. 1993. Вып. 4. С. 63–65.
- Косарев М. Ф., Галкин В. Т. Работы на оз. Юргаркуль // АО 1986 г. М., 1988. С. 240.
- Косинская Л. Л. О схемах развития северного неолита // Обские угры. Материалы II Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1999. С. 38–41.
- Косинская Л. Л. Керамика эттовского типа в неолите севера Западной Сибири // Угры. Материалы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 дек. 2003 г., Тобольск). Тобольск, 2003. С. 95–101.
- Косинская Л. Л. Неолит севера Западной Сибири: Генезис и связи // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 215–223.
- Косинская Л. Л. Памятники быстринского культурного типа в Сургутском Приобье // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 12–17.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Этнографический очерк. Томск, 1977. 226 с.
- Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Томск, 1973а. Ч. 2: Самусьская культура. 208 с. (ИИС; Вып. 10).
- Матющенко В. И. К вопросу об этнической принадлежности еловско-ирменских памятников и историческая приемственность в культуре населения Томско-Нарымского Приобья // ИИС. Томск, 1973б. Вып. 7. С. 78–94.
- Матющенко В. И., Синицина Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 136 с.
- Мец Ф. И. Фигурно-штампованная керамика игрековских памятников Нарымского Приобья // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб., 1993. Ч. 2. С. 79–83.

- Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
- Молодин В. И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 3–17.
- Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 172 с.
- Панфилов А. Н. Новый тип памятников раннего бронзового века в южно-таежном Тоболо-Иртышье // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 150–157.
- Панфилов А. Н., Зах Е. М., Зах В. А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 25–50.
- Полякова Г. Ф. Неолитические племена верхнего течения р. Оки // МИА. 1973. № 173. С. 146–151.
- Раушенбах В. М. Неолитические племена бассейнов верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // МИА. 1973. № 173. С. 152–158.
- Собольникова Т. Н. Неолитическое поселение Чертова Гора на р. Конде // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 4–11.
- Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 218 с.
- Татаринцева Н. С. Керамика поселения Вишневка-1 в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1984. С. 104–113.
- Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 128 с.
- Труфанов А. Я. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюрских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 57–76.
- Цветкова И. К. Неолитические племена рязанского течения р. Оки // МИА. 1973. № 173. С. 138–145.
- Чемякин Ю. П. Ранние комплексы на городище Барсов Городок I/8 // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 18–25.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The paper proceeds with reviewing and analysing ornamental traditions (receding-and-blackened, comb, pit-and-comb, ornamented-and-stamped ones) developed in West Siberia. It points to the traditions existing during a long period, from the Neolithic to the Middle Ages, as well as those registered under a relatively short-term period. Most probably, they correspond to definite ethnic groups or ethnoses.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта СО РАН и РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».